

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВ

В них и язык, и душа, и свобода

РУСЬ В ДРЕВНИХ ТЕКСТАХ

Владимир Леонов
В них и язык, и душа, и
свобода. Русь в древних текстах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22143645
ISBN 9785448348051

Аннотация

Христианская культура была усвоена Русью через посредство Византии. Этим обстоятельством обусловлены некоторые особенности русской письменности. После крещения Руси с греческого языка был переведен очень большой корпус книг, главным образом, религиозного содержания, заложивших основания русской книжности. Поэтому образцом становящейся русской письменности послужила византийская литературная система. Но – далеко не вся...

Содержание

Введение	5
Возникновение русской книжности	11
Жанровый состав ранней русской книжности	15
Диалектика письменности и устной словесности	20
Письмо и устное слово	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**В них и язык, и
душа, и свобода
Русь в древних текстах
Владимир Леонов**

© Владимир Леонов, 2016

ISBN 978-5-4483-4805-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

В этой книге речь пойдет о Руси в древних текстах.

Прежде всего, постараемся осмыслить каждый из компонентов заглавия книг: *Русь в древних текстах*. **Во-первых**, где граница, отделяющая Русь *древнюю* от Руси *новой* – России? Проводится ли эта граница условно, или существуют объективные факторы, позволяющие говорить о завершении одного периода культурного развития и о начале нового? И **во-вторых**: почему *древние тексты* (книжность), а не *литература*?

Сначала ответим на **первый вопрос**. Русская культурная традиция, в которой сформировалось наше нынешнее сознание и все формы его проявления (искусство, наука, общественный уклад и др.), связана своим происхождением с христианством. Книжность тоже началась с принятием на Руси христианства (988 г.). В дохристианскую эпоху письменность существовала, однако она еще не несла того содержания, которое сформировало национальное своеобразие русской культуры. Великий немецкий ученый В. фон Гумбольдт писал: «язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык». Развивая эту мысль, мы понимаем, что и плод языка, словесность народа, есть проявление его «духа» – который у нас стал формироваться именно с принятием христианства.

Христианская культура была усвоена Русью через посредство Византии. Этим обстоятельством обусловлены некоторые особенности русской письменности. После крещения Руси с греческого языка был переведен очень большой корпус книг, главным образом, религиозного содержания, заложивших основания русской книжности. Поэтому парадигмой (от греч. παράδειγμα – образец) становящейся русской письменности послужила византийская литературная система. Но – далеко не вся. Крупнейший исследователь русского средневековья Д. С. Лихачев писал в XX веке о «трансплантации», то есть буквальном переносе литературной системы из Византии на Русь. Современные исследования позволили скорректировать это представление. Помимо того, что имелись еще влияния других европейских литератур (скандинавской, западнославянской), и из Византии переносу подлежала главным образом лишь аскетическая книжность: те произведения, которые подчинены задаче духовного совершенствования человека в перспективе христианского идеала праведности и святости. «Репертуар древнекиевской книжности остается репертуаром отдаленного византийского монастыря, а не константинопольской библиотеки», – пишет современный ученый То есть весь обширный пласт «светской» литературы, в том числе и художественной, оставался практически не востребованным в русских условиях, особенно в раннехристианское время (XI – XII вв.). В ценностной системе той эпохи он занимал периферийное место.

Именно эта ценностная специфика и создает особость древнерусской книжности относительно литературы Нового времени (начиная с XVIII века). *Древнерусская литература не обладала самостоятельно значимым художественным заданием.* В художественной литературе Нового времени, в том числе и русской, на первом месте находится идеал **красоты**, или **прекрасного**. А писатели средних веков, до XVII столетия включительно, трудились в перспективе религиозных целей и не задумывались о «красоте», или художественности, своего произведения: подобное представление им было очень неблизко. В книжности русского средневековья на первом месте находился идеал **праведности** и **святости**. С этим было связано обязательное требование «душеполезности», предъявляемое к письменному тексту: он отнюдь не должен был развлекать читателя, но должен был сообщать такие сведения, восприняв и усвоив которые, читатель проникся бы благочестивыми взглядами и намерениями.

Таким образом, граница между древнерусской книжностью (XI – XVII вв.) и литературой России полагается в связи со сменой ценностных приоритетов. Культура древней Руси – культура христианской религиозности, подчиняющей себе деятельность писателя. Культура России петровской эпохи и позднейшего времени – культура светская, в которой писатель мыслится как художник слова.

С этим связан и ответ на **второй вопрос** – о *книжности*

и *литературе*. Повсеместно принятое сегодня слово «литература» появилось на французской почве и первоначально обозначало всю совокупность письменных текстов, как художественных, так и нехудожественных. В этом смысле оно было близко к русскому понятию «словесность». Однако, будучи перенесенным в XVIII веке в Россию, слово «литература» быстро стало обозначать преимущественно тексты, связанные с художественностью, наделенные художественным заданием. Уже в так называемую «карамзинскую эпоху» (рубеж XVIII и XIX вв.) под «литературой» понимали прежде всего художественную словесность. Это словоупотребление со временем укреплялось, так что сегодня, говоря «литература», мы обыкновенно имеем в виду художественные произведения: романы, повести, стихи.

Но ни романов, ни повестей, ни стихов, как уже сказано, не знала письменная словесность в древнерусскую эпоху. Точнее, в отличие от переводной, их не знала *оригинальная* русская словесность, созданная на русской почве русскими же книжниками. И если это так, то само употребление слова «литература» применительно к древнерусским письменным памятникам выглядит не вполне правомерно. Будем далее пользоваться понятием «книжность», которое давно в ходу у историков и филологов, изучающих русское средневековье.

В этом месте следует еще раз оговорить состав материала, вошедшего в настоящее пособие. Национальная сло-

весность не может быть понята только формально, как набор текстов. Мы уже приводили тезис В. фон Гумбольдта о том, что национальные языки (а следовательно, и системы словесности) суть проявление «духа» народа, или его национального сознания. Поэтому русскую книжность следует рассматривать как *особую* систему. И конечно, при этом **оригинальные** памятники следует с самого раннего периода отличать от **переводных**. Переводная письменность послужила прежде всего средой, в которой осуществлялось формирование качественно особой оригинальной словесности. В конце XX столетия В. Н. Топоров писал о разнице культурных ролей этих составляющих: «Разумеется, в XI в. на Руси уже существовала переводная литература. <...> Переводные тексты с их поэтической образностью оставались обширным и плодотворным резервом для складывания древнерусской литературы, но элементами активной истории они становились лишь по мере своего собственного преодоления <...> включения в иные рамки с подчинением новым заданиям». Поэтому будем далее исходить из того, что лишь оригинальные произведения могут рассматриваться как «элементы активной истории». В настоящем пособии мы будем освещать лишь тот пласт словесности, который представляет собой плод **оригинального** творчества русских книжников.

С точки зрения теоретической истории русской литературы, становление книжности древней Руси делится на четыре этапа:

- спецификации (обособления) письма,
- интерференции письменного и устного слова,
- тематизации,
- фокализации письма.

Характеристика конкретных памятников русской книжности дается, как правило, в разделе, посвященном этапу, в продолжение которых эти памятники возникли. Таким образом, задача книги – не только составить у читателя представление об отдельных памятниках, но и показать общую логику и законы развития русской словесности в средневековый период.

Не следует рассматривать эту книгу как учебник: в этой книге имеется собственный «интеллектуальный сюжет», связанный с постепенным разворачиванием представления о древнерусской книжности. А значит, ее желательно прежде всего прочитать, хотя бы бегло, от начала до конца – если уж взялись. И только потом, составив некое общее представление о материале и его композиции, есть смысл обращаться к актуальным непосредственно темам.

Возникновение русской книжности

Древней русской книжности был свойствен целый ряд особенностей, кардинально отличавших ее от литературы Нового времени. Прежде всего, это *христианское религиозное содержание*. Создавая свои произведения, книжник рассчитывал, что они помогут его читателю продвинуться по пути благочестия и праведности. Иной цели он себе не ставил. Поэтому тематика русской книжности была либо прямо христианской, либо исторической, но и в последнем случае история рассматривалась в религиозном контексте, как проявление воли Божьей. История виделась лишь в перспективе вечности. «Земные» предметы сами по себе книжника не интересовали: предполагалось, что они не настолько важны, чтобы посвящать им письменную речь.

Отсюда видно, что к письменной речи было отношение особое. Слово и вообще-то в христианской культуре мыслится как посредник между человеком и Богом: еще бы, ведь в Евангелии от Иоанна прямо сказано, что Слово – это Бог!.. А на Русь христианское откровение пришло в форме книжных, письменных текстов. Естественно, что и *осмысливался книжный текст как сакральный*. И ничего «неважного», мирского, второстепенного писатели в свои тексты не допускали.

И уж конечно, в книжности *не допускался вымысел*. Это

важнейшая особенность, отличавшая книжность русского средневековья от европейской литературы того же времени. В русской книжности существовала своеобразная конвенция достоверности, в рамках которой все, о чем говорится в письменном тексте, заслуживает доверия.

Все было на самом деле: и библейский потоп, и путешествие апостола Андрея по Руси, и чудесное прозрение внезапно ослепшего князя Владимира после его крещения, — а если бы этого не было, то об этом не следовало бы и писать... В европейской же художественной литературе вымысел был ее существеннейшим компонентом.

Ведь по Аристотелю, содержание искусства — это подражание природе в формах вымысла. Это обстоятельство еще раз показывает, насколько далека была русская книжность от художественных задач. Переводные занимательные повести, то и дело возникавшие в русской книжности начиная приблизительно с XV века, трактовались как «баснословные» и потому «неполезные».

Еще одна важная особенность древнерусской книжности — ее *анонимный и рукописный характер*. В ту эпоху не существовало понятия авторской собственности на текст. Текст мыслился как «ничей», и книжник спокойно переносил его из какого-либо источника в свою рукопись. Переписывание книг было сложным трудом, требовавшим серьезных навыков и подготовки. К тому же и материал, из которого изготовлялись книги, пергамент, был непрост в изготов-

лении. Поэтому книг было мало, и позволить себе владение ими могли либо самые богатые люди из военно-аристократического сословия, либо церковь, бывшая центром средневековой учености. Именно в церковной среде и совершалось книжное дело: обработка и переписывание текстов...

Мы не случайно говорим: «обработка». Дело в том, что средневековый книжник вовсе не был простым копиистом. *Переписчик неизменно выступал одновременно и редактором текста*, изменяя его так, как ему казалось правильным. «Незакрепленность авторской собственности на окончательный текст обеспечивала каждого редактора правом на практически бесконтрольное сотворчество. При этом запас средств выражения был задан традицией, а возможности их отбора и сочетания оказывались неограниченными». Естественно, от редакции к редакции содержание текста мало-помалу изменялось: постоянной оставалась наиболее общая сюжетная канва, но способы интерпретации событий и предполагаемые выводы могли оказываться довольно разными.

Поэтому, когда мы имеем дело с памятником древнерусской письменности, следует помнить, что это (за редкими исключениями) не единственная его редакция. Обычная форма бытования текстов в древнерусскую эпоху – в составе сборников. Одно и то же произведение могло в разное время оказаться переписанным в совершенно разных контекстах (такие контексты называются *конвой*), и уже в силу этого

по-разному восприниматься. Притом редакторская правка почти непременно проводилась переписчиком-составителем нового сборника. И те тексты, которые известны большинству из нас, читателей XXI века, являются результатом скрупулезной работы ученых, восстановивших наиболее общий инвариант произведения.

Все сказанное дало в последнее время исследователям повод говорить об особом способе существования риторической традиции в русской книжности. Преемственность в способах письма и единое смысловое поле, обеспечивающее правильные трактовки, достигались не путем следования неким сформулированным правилам (как в европейской литературе). Таких «писанных законов» для книжника не существовало. Существовал *обычай*, опиравшийся на хорошее знание и понимание всеми авторитетных текстов христианской культуры, служивших универсальным образцом – парадигмой. «Подражание авторитетным текстам не всегда декларировалось и не всегда осознавалось. Оно было заключено не в теоретических высказываниях, но в писательской практике, в *узусе* (общепринятое -авт.) средневековой книжности».

Жанровый состав ранней русской книжности

Перечисленные выше особенности древнерусской книжности дополнялись тем, что и система ее жанров сильно отличалась от системы жанров художественной литературы. Древнерусская книжность опиралась на систему так называемых «уставных», или «типикарных», чтений, в которых каждый жанр ориентировался на определенный тип аудитории, характеризующийся степенью своего религиозного просвещения. На «начинающих» были ориентированы жития святых, исторические слова, чудеса, патерики (*сборник рассказов о жизни подвижников, обычно какого-либо определенного монастыря, и их поучений*); цель этих жанров – воспитание чувств верующих. На «преуспевающих» ориентировались толкования, притчи, поучения; они воспитывали раскусодок. Наконец, «совершенным» предназначались молитвословие, гимны, торжественные проповеди.

На раннем этапе становления, в XI—XII вв., русская книжность освоила ряд основных жанров этой системы, которые разрабатывала и впоследствии на протяжении всей эпохи средневековья. Перечислим эти жанры и дадим им краткую характеристику.

Летопись. Этот жанр складывался в продолжение первого столетия после крещения Руси и стал уникальным

явлением, отличающим русскую книжность от литератур всех других народов. Известнейший и старший летописный свод – так называемая «Повесть временных лет». По мнению, разделяемому большинством ученых, этот свод создавался в несколько приемов, причем старшие версии подвергались редактированию. Выдающийся исследователь русских летописей А. А. Шахматов считал, что ранее всего (около 1039 г.) неизвестным книжником был сложен так называемый Древнейший Киевский свод.

Спустя полтора десятилетия на его основе возник Древний Новгородский свод. Затем, предположительно около 1073 г., игумен Киево-Печерского монастыря Никон составил Первый Киево-печерский свод, а монах того же монастыря Нестор около 1095 г. – свод, названный Шахматовым «Начальным». Под рукой Никона летопись дополнилась целым рядом вставок, превращающих русскую историю в единый и связный сюжет, а также заостряющих идеологическую и публицистическую сторону произведения. Наконец, в начале XII века этот свод вновь перерабатывался Нестором, в результате чего и была создана «*Повесть временных лет*».

Летопись обладала синтетической природой: в ее состав входили устные повести, эпические сказания и легенды, отдельные записи и статьи. Устнопоэтическая составляющая в материале летописания, особенно касающегося дохристианского периода, очень велика. Зато и летопись впоследствии стала источником, из которого обособлялись от-

дельные сюжетно законченные тексты: например, Сказание об убиении Бориса и Глеба. Такой жанр, как письменная воинская повесть, оформился в летописных рассказах о сражениях.

Среди прочих особенностей русской летописи обращает на себя внимание то, что историческое изложение в ней ведет начало от библейского Потопа и непосредственно переходит к рассказу о славянских народах, минуя принятое в Византии обращение к иудейской истории. Само изложение по принципу «погодных записей», под которыми в некоторые годы не упоминается никаких событий, напоминает таблицы так называемых «пасхалий»: церковных календарей, в которых расписывались даты христианских праздников на каждый год. Вероятно, именно пасхалии повлияли на структуру русского летописания.

Жития святых. Этот жанр представлял собой описание жизни и религиозных подвигов какого-либо святого. Структура жития подчинялась строгому канону, следование которому формирует идеализированный вариант биографии. Святой появляется в мир от благочестивых родителей. Его детство отмечено уединением, избеганием детских игр, тягой к аскетизму и молитве. После смерти родителей он раздает имущество и постригается в монахи. Описываются смирение и христианские подвиги святого, в результате которых он обретает почтение людей, а иногда и способность творить чудеса. После смерти святого чудеса продолжают происхо-

дить около его гроба.

Первые и известнейшие жития, составленное на русской почве – жития святых Бориса и Глеба, рассказ о мученической гибели которых содержится уже в летописании XI столетия; житие подвижника Киево-Печерского монастыря Феодосия Печерского; житие основателя этого же монастыря Антония. Эти жития в XIII веке легли в основу Киево-Печерского патерика. Жития святых должны были подать мирянам пример благочестия и привести их на путь духовного совершенствования.

Хождения. Этот жанр представлял собой описание странствия паломника по святым местам. Жанровая задача «хождения» – донести верующим удаленной от Палестины страны живое свидетельство, что все святыни, описанные в Ветхом и Новом Заветах, действительно существуют; и тем самым укрепить веру в истинность Священного Писания. Самое известное в русской древности – «Хождение игумена Даниила», составленное в начале XII века.

Ораторское красноречие. Торжественная проповедь получила развитие на Руси уже с середины XI века. Именно тогда было составлено знаменитое «Слово о Законе и Благодати», приписываемое митрополиту Илариону. Оно представляло собой выдающийся памятник ораторского искусства, демонстрирующий виртуозное владение правилами риторики. Как мы уже знаем, торжественная проповедь адресовалась «совершенным» христианам, то есть образованным,

сведущим как в религиозной догматике, так и в словесном искусстве. Торжественные «Слова» произносились во время церковных праздников, и нередко бывали этим праздникам посвящены. Так, в творчестве выдающегося оратора-проповедника второй половины XII века Кирилла Туровского каждое из восьми «слов» написано на какой-то церковный праздник. Это наиболее обыкновенная тематика торжественного красноречия. В данном отношении «Слово о Законе и Благодати», содержащее ярко выраженное злободневное, публицистическое начало, представляет собой скорее исключение из правил жанра.

Диалектика письменности и устной словесности

Существует научная традиция начинать историю русской литературы с упоминания так называемого «фольклора», то есть устной словесности, которая при этом рассматривается как контекстный фактор возникновения древней русской литературы. Однако и в названной традиции по-разному рассматривался вопрос о стадильности этих двух явлений. В историях древней русской словесности XIX века, начиная с первого и в известном смысле прототипического учебника Н. И. Греча, устная поэзия неизменно ставилась на хронологически предшествующее письменным памятникам место.

На российской же почве дело обстояло иначе. Литература, то есть книжность, была принесена в виде готового корпуса переводных текстов; и уже сама народная поэзия испытала немедленное влияние со стороны книжности и продолжала испытывать его на протяжении всех веков их сосуществования. Таким образом, записи фольклора, сделанные в Новое время, отражают ту его форму, которую он принял, помимо прочего, и под влиянием книжности. Справедливым представляется следующее суждение: «Очевидно, что, ставя эту позднюю форму народной поэзии во главу историко-литературного построения, мы производим смещение явлений и нарушаем историко-литературную связь и последователь-

ность: *до* книжной литературы ставится явление, образовавшееся между прочим из элементов этой же книжной литературы <...> и наоборот, *после* ставится книжная литература, возникшая вне всяких ее влияний».

Как видно, генетический подход, когда народная словесность видится как ступень, предшествующая литературе, не позволяет понять подлинный характер отношений народной поэзии и книжности на русской почве. «Мы не вправе в угоду генетической точке зрения упразднить принципиальную разницу между устным поэтическим творчеством и литературой». На чем же основывалась эта «принципиальная разница», как соотносились письменность и устная словесность на раннесредневековом этапе?

Будем исходить из того, что отношения русской книжности и фольклора в эпоху раннего средневековья следует понимать диалектически. Становление письма в среде устной словесности выступает как внутренний принцип развития русской литературы в средневековый период. Мы договорились считать, что русская литература начинается с принятия христианства, поскольку именно тогда письмо стало культурно маркированной речевой практикой. Исходным пунктом суждения о письменности и народной поэзии как таковых является сознание взаимодополнительности этих двух видов словесного творчества. Письменность и устная поэзия выступили как два начала, организующие диалектику развития словесности.

Вопросы для самопроверки

- С какого времени можно говорить о возникновении оригинальной русской книжности?
- Каков был идеал древнерусской книжности – в отличие от литературы Нового времени?
- Почему фольклор невозможно рассматривать как непосредственный источник русской книжности?
- Какова диалектическая природа развития русской словесности на средневековом этапе?

Письмо и устное слово

На начальном этапе становления русской словесности, то есть в так называемый «киевский» период национальной истории (XI—XII вв.), существовала очень важное соотношение: *письменность / устная словесность (народная поэзия)*. Письмо, появившись, сразу оказалось противопоставлено устному слову по целому ряду параметров. Кратко охарактеризуем основные различия, противопоставлявшие письменность и устную поэзию.

Первейшее различие связано с характером культурной ориентированности письменного и устного слова соответственно. Письменное слово, выражаясь современным языком, *диахронично*: оно рассчитано на восприятие не здесь и сейчас, а в весьма отдаленной временной и пространственной перспективе, возможно, спустя столетия и в неведомой еще стране. Такое восприятие, выражаясь словами выдающегося русского филолога М. М. Бахтина, принадлежит «большому времени» культуры. В противоположность письменному, устное слово *синхронично*: оно предполагает единовременность произнесения и восприятия. Певец в устной поэзии не рассчитывал на какую-то перспективу: для него было само собой разумеющимся, что его слово возникает, осуществляет свою роль и канет в небытие именно здесь и сейчас, в единственный момент его произнесения.

Другие различия связаны с отдельными сторонами функционирования речи в книжности и в устной поэзии. Всякая речь, письменная или устная, как известно еще со времен Аристотеля, «состоит из трех элементов:

- самого говорящего,
- предмета, о котором он говорит,
- и лица, к которому он обращается».

Функциональные позиции *предмета*, *субъекта* («говорящего») и *адресата* («к кому обращаются») в книжной и устной словесности заметно различались.

Со стороны *предметной* составляющей характер древнерусской письменности определялся ее связью с государством и церковью. «Большинство древнерусских писателей, в отличие от народных поэтов <...> отразили в своем творчестве воздействие морально-философской теории христианства». Христианская тематика была основной и безусловно господствующей в книжности. При этом в оригинальной письменности присутствовала еще и тематика, которая в XX веке обыкновенно называлась «патриотической»: тематика, связанная с осмыслением места новообращенной Руси в современной христианской истории.

Вместе эти две идеи – христианская и патриотическая – формировали смысловую основу ранней русской письменности. С другой стороны, тематику устной поэзии формировала сфера, в широком смысле слова, бытовых повседневных представлений людей: сфера вне-церковная – или, мож-

но сказать, «до-церковная», поскольку сам ее состав был теснейшим образом связан с «языческой» картиной мира и каждой своей деталью ее проявлял.

Со стороны состава *аудитории-адресата* различие было, пожалуй, наиболее важным. Дело в том, что на раннем, «киевском», этапе развития словесности книжность имела распространение и хождение только *в очень немногочисленном и сословно обособленном круге* древнерусского общества. Существует популярный миф о якобы имевшем место чуде массового христианского просвещения Руси в первые же десятилетия после крещения.

С этим мифом следует расстаться. Просвещение, безусловно, имело место, и его последующий эффект для становления русской культуры переоценить невозможно. Однако оно не было массовым. Мы не говорим сейчас даже о том, что само крещение Руси происходило совсем не безболезненно, а сопровождалось насилием, растянувшимся на столетия, и фактическим «двоеверием», следы которого историки находили еще и в XIX веке. Речь о том, что даже приобщение к христианской литературе в глазах современников выглядело как гибель для рода и семьи: иначе не было бы того плача, которым, по слову Киевской летописи, провожали матери своих детей «в учение книжное».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.